

Отзыв
официального оппонента
Ольги Викторовны Седельниковой о диссертации
Елены Николаевны Чирковой
«Эквивалентность и адекватность при переводе аксиологических
терминов (на материале переводов прозы Ф.М. Достоевского)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности
5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Актуальность диссертации Елены Николаевны Чирковой «Эквивалентность и адекватность при переводе аксиологических терминов (на материале переводов прозы Ф.М. Достоевского)» не вызывает сомнения и обусловлена целым комплексом привлекающих внимание автора аспектов. Во-первых, значительный интерес различных направлений современной лингвистики вызывает сопоставительное изучение универсальной абстрактной лексики, обозначающей сущностные бытийные понятия. Во-вторых, одним из ведущих направлений отечественной науки становится изучение инокультурной рецепции шедевров русской классической литературы и ее этнокультурной специфики. И в этом плане изучение переводческой рецепции наследия Ф.М. Достоевского дает богатый и разнообразный материал для рассмотрения всех аспектов обозначенной проблемы. Наконец, актуальность обусловлена обращением к проблемам теории перевода, отсутствием, как справедливо указывает автор работы, «единых общепринятых определений переводческой эквивалентности и адекватности» и решения «вопроса об их соотношении» (стр. 6).

Несомненной представляется **научная новизна** диссертации Е.Н. Чирковой и ценность полученных результатов. В работе впервые представлено последовательное развернутое сопоставительное исследование лексических единиц русского языка Добро и Зло, включая дериваты, и их соответствий в немецком и английском языках, в результате чего устанавливается проявление асимметрии языков, особенно заметное в паре русский – английский языки, представляющей определенные трудности в процессе перевода, его восприятия и оценки. Последние становятся особенно очевидными при обращении Е.Н. Чирковой к изучению воспроизведения указанных единиц в переводах «Записок из мертвого дома» и «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского на указанные языки. Названные тексты представляют для данной темы безусловный интерес в связи с их особой ролью в истории вхождения Достоевского в европейскую культуру, когда первое маркировало уникальный личный опыт писателя, важный для европейского человека, переживающего катаклизмы начала XX в., а второе – стало одним из знаковых философско-психологических текстов, впервые столь заостренно поставивших проблему индивидуалистического сознания жителя современного большого города. Неслучайно первые переводы «Записок из подполья» на

немецкий и венгерский языки трансформируют название, подчеркивая данный смысловой аспект (см.: перевод на немецкий Алексиса Маркова «Из самого темного угла большого города», 1895) и на венгерский, Э. Сабо «A nagyváros homályából» («Из мрака большого города», до 1924)). Таким образом, результаты исследования представляют интерес не только для научного сообщества, но и в практике переводчиков и преподавателей английского и немецкого языков и русского языка и литературы для иностранцев.

Диссертационное исследование Е.Н. Чирковой отличается четкой и логически выстроенной структурой и состоит из введения, четырех глав, заключения, и списка источников и литературы, включающего 198 единиц. В первой главе представлен обзор научной литературы по теории художественного перевода и выделены основные этапы становления категорий эквивалентности и адекватности как способов оценки результата переводческой деятельности. Автор работы справедливо указывает на то, что в современной теории перевода эти понятия так и не получили полной проработки и не являются универсально понимаемыми всеми специалистами едиными критериями, оставляя значительное поле для дискуссий, и на особую сложность их использования применительно к переводам художественных текстов.

Как представляется из предложенного в первом разделе главы обзора интерпретаций категорий адекватности и эквивалентности в исторической ретроспективе, данные категории в теории перевода живут в основном как будто в отрыве друг от друга и других актуальных положений сопоставительной лингвистики. При этом в рамках данного научного направления существуют положения, которые позволяют дополнять и развивать осмысление рассматриваемых категорий. Среди них представляется важным учет положения о языковой и культурной асимметрии. В соответствии с последней адекватность и эквивалентность могут быть рассмотрены не как равноправные, а как иерархически взаимодействующие понятия, когда адекватный перевод будет эквивалентным не на всех выделяемых уровнях, но с учетом асимметрии языков адекватность может быть обеспечена смысловой и функциональной общностью, т. е. эквивалентностью. Автор работы справедливо указывает, что возможности такого соотношения обозначены в ряде исследований как отечественных, так и зарубежных авторов (М.Л. Алексеевой (с. 186-187), К. Райс и Г. Фермеера (стр. 41)). О связанных с этим вопросах, как представляется, размышляет П. Тороп в книге «Тотальный перевод», где категория адекватности выступает одной из центральных. В данном случае, например, перевод фразы Ивана Карамазова «Я у надрыва сидел», предложенный венгерской переводчицей Ирен Инститорис и звучащий как «Я у вулкана сидел» – должен быть признан эквивалентным на смысловом и функциональном уровне, поддерживающим семантику лексической единицы, именующей описываемое состояние, а потому – адекватным, позволяющим читателю ощутить описанное героем состояние, т. е. решающим коммуникативную задачу. Учет указанного соотношения критериев эквивалентности и адекватности, как представляется, помог бы в настоящей работе снять противопоставление данных критериев как объективного

(эквивалентность) и субъективного (адекватность), на что указывается, например, в выводах к главам 3 и 4 и в заключении (стр. 13, 201, 207).

При оценке качества перевода (а именно это интересует автора), особенно художественного, можно рекомендовать в качестве промежуточного этапа осмысления результата учитывать типы пословных соответствий (пунктов сопоставления) оригинала и перевода, предложенные некогда М.Л. Гаспаровым в статье «Подстрочник и мера точности», разрабатывая которые автор, как представляется, принимал во внимание существенный момент, связанный со структурной асимметрией языков. Однако работы М.Л. Гаспарова и П. Торопа не включены автором в обзор, то есть, вероятно, остались вне поля его зрения.

Во второй главе предпринят всесторонний анализ категорий *Добро* и *Зло* как в их философском и лингвистическом аспекте, так и в отношении особой функции обозначенных аксиологем в контексте творчества Ф.М. Достоевского. Е.Н. Чиркова справедливо указывает на то, что основное статусное противоречие состоит в том, что, являясь универсальными категориями осмысления всех сфер человеческой жизни, *Добро* и *Зло* отличаются принципиальной абстрактностью и взаимосвязанностью. Данное свойство затрудняет их научное толкование и обуславливает понимание пределов их трактовки в процессе коммуникации вообще (с. 52-53), а особенно художественном дискурсе. Демонстрируя отличное знакомство с современной научной литературой о творчестве Достоевского и специфике его идиостиля, автор выделяет принципиальное для работы положение о том, что тексты Достоевского представляют особый случай как для изучения их переводов, так и для осмысления особенностей трактовки категорий *Добро* и *Зло*, поскольку слово писателя всегда существует «в полноте его смыслового поля» (Касаткина Т.А., 2021), герой в них всегда «не равен самому себе» (с. 57-58). Предпринятое в разделах второй главы тщательное последовательное изучение связанного комплекса вопросов о природе категорий *Добро* и *Зло*, их особой роли в художественном мире Достоевского, широкой полисемии русских лексем с корнем *-добр-* и *-зл-* позволяет автору сформулировать продуктивный вывод о сущностной для стиля писателя связи внешней и внутренней формы слова и принципиальности ее для «религиозно-философской антропологии Достоевского» (с. 14), которая становится трудно решаемой для переводчиков, что обуславливает содержание и структуру 3 и 4 глав.

Третья и четвертая главы посвящены изучению эквивалентов русских лексем с корнем *-добр-* и *-зл-* в немецком и английском языках соответственно и тем трудностям, которые в связи с этим испытывают переводчики «Записок из мертвого дома» и «Записок из подполья» на немецкий и английские языки. Эти главы составляют, на наш взгляд, смысловое ядро исследования и наиболее насыщены интересными наблюдениями и актуальными выводами.

Безусловным достоинством совокупности аналитических данных, представленных во 2, 3 и 4 главах для разных языков, является сопоставление фрагментов языковых картин мира носителей русского, немецкого и английского языков, описывающих особенности номинативного поля понятий *Добро* и *Зло*. Несмотря на кажущееся сходство в смысловых доминантах

обозначенных ими понятий в сознании представителей европейских христианских культур, собранный автором работы языковой материал наглядно демонстрирует существенные различия феноменологии Добра и Зла в сознании носителей русского, немецкого и английского языков соответственно. При этом если разница между русским и немецким языками невелика, то между русским и английским она весьма существенна: «в английском языке нельзя выделить один корень, производные от которого могли бы «покрывать» все семы, актуализованные в русских лексических единицах.» (стр. 200).

Интересен и тот факт, что большее сходство во всех трех языках наблюдается в языковом освоении категории *Добро*, тогда как со *Злом* различий оказывается гораздо больше: «Существительное *зло*, а также однокоренные существительные *злоба* и *злость* и прилагательные *злой* и *злбный* представляют для переводчика значительно большую проблему, чем *добро*» (стр. 200).

Существенным для характеристики различий в картинах мира носителей русского, немецкого и английского языков представляется наличие в русском языке значения слова «добро» как имущества, обеспечивающего человеку достойный уровень жизни, удобство, комфорт и отсутствие такого значения у основных лексических эквивалентов русского слова в немецком и английском языках. Последнее показывает, что в русской культуре понятия Добра и Зла оказываются более всеобъемлющими, применимыми для любого уровня человеческой жизни, от метафизического до бытового. Так, в английском языке «метафизическое и социальное – *добро* уже на языковом, а значит, и на мыслительном, уровне отделено от материального» (стр. 200). Подкрепляют это указание и эквиваленты русскому слову «доброта» в значении высокое качество: в английском языке переносному значению русского слова соответствует уже слово из совершенно другого ряда: *quality*.

Безусловный интерес представляют в целом аналитические описания результатов переводческой деятельности. Так, отмеченная автором некоторая нестабильность переводов Гарнетт, когда в отдельных случаях она делает описательный перевод или дает свою интерпретацию при возможности использования лексических эквивалентов, в других демонстрирует вдруг понимание авторской мысли и находит решение для сложной задачи (стр. 182-183, 189 и др.) – представляется в целом весьма характерной для ее переводческой манеры.

Весьма существенны и наблюдения Е.Н. Чирковой о манере Хогарта: «Хогарт, что в его переводах наблюдается нередко, не переводит, а перефразирует оригинал: «Долгое время я лгал о своей личности, называя себя вспыльчивым человеком. Чистая злость заставляла меня говорить о себе эту ложь» (оба раза наблюдается актуализация «эмоционального» смысла корня *-л-*)» (с. 179, см. так же с. 187-188 и др.). Этот переводчик часто дает свою интерпретацию, не придерживаясь буквы оригинального текста, которую, вероятно, он не совсем понял. И наш опыт подтверждает это заключение. Вывод о частом игнорировании Эдвардсом «принципа эквивалентности» (с. 188) вполне закономерен и является ярким свидетельством при отсутствии достоверной информации о переводчике.

Отмеченные автором детали работы со словом в переводах Якима, в т. ч. частое использование им многозначного слова *evil*, совмещающего семантику разных смысловых планов, демонстрирует его уровень профессионализма и соответствие современному уровню рефлексии переводчика о предмете перевода. Для начала XX века такая степень лексической точности не рассматривалась важным требованием.

На этом фоне представляется не совсем верным один из предложенных Е.Н. Чирковой выводов, в котором эквивалентность и адекватность немецких переводов напрямую обуславливается тем, что большинство переводчиков одинаково хорошо владели как русским, так и немецким языком: «Немецкие переводы чаще обладают как большей эквивалентностью, так и большей адекватностью, одной из причин чего, вероятно, является тот факт, что большинство рассмотренных нами немецких переводов были выполнены авторами, свободно владеющими с детства как немецким, так и русским языками. В английских текстах, которые были созданы исключительно носителями английского языка, изучавшими русский как иностранный, расхождения с оригиналом наблюдаются значительно чаще» (стр. 205). Автор работы делает его потому, что считает трех из четырех немецких переводчиков Л. Кэррик, А. Элиасберга и С. Гайер фактически билингвами. Однако в отношении Э. Кэррик (фигурирующей в работе под псевдонимом Е.К. Разин) это заключение ошибочно. Кэррик родилась на хуторе в Пернау среди балтийских немцев, весьма ценивших родной язык, но не владевших его современной версией, т. к. находились в отрыве от центра. Русский язык она освоила в гимназии. При этом важно, что сама переводчица, выслушивая упреки в адрес своих переводов в 1910-е гг., писала в ответных письмах в издательство «Пипер» о том, что не владеет немецким языком в достаточной степени, делая весьма глубокие замечания о специфике значений русской лексики (подробнее см.: Кэррик Л. Достоевский и «другая Европа»: афоризмы, статьи, эссе, дневники, путевая проза, письма / сост., пер. с нем., предисловие и коммент. Г.Е. Потаповой. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2017).

Во всяком случае билингвизм может выступать сопутствующим обстоятельством в данном случае, но гораздо больше близость оригинальному тексту Достоевского немецких переводов по сравнению с английскими, как представляется, может объясняться меньшей степенью языковой асимметрии и меньшим отличием культурных факторов, определявших развитие пар русская – немецкая и русская – английская культуры. На это непосредственно указывает и следующее положение заключения о значительно большей лексической и словообразовательной близости немецкого языка русскому языку, последовательно доказанное в работе в главе 3. Последнее позволяет немецким переводчикам «осуществить перевод соответствующих русских лексем и их ближайшего контекстного окружения практически без смысловых и прагматических потерь, при этом сохранив в переводе, как и в русском языке, единство формы и содержания» (стр. 205-206).

При чтении работы возникли следующие вопросы:

1) Автор достаточно тщательно разобрал трактовки понятий эквивалентности и адекватности в исторической ретроспективе развития теории перевода. Являются ли эти понятия рабочими с точки зрения современного уровня развития теории перевода и смены парадигмы современных лингвистических исследований от структурного подхода к функционализму?

2) Второй вопрос может показаться очень частным, но он интересен с точки зрения интерпретации автором диссертации ограничений, налагаемых категориями адекватности и эквивалентности на осмысление результатов переводческой деятельности: для носителя немецкого языка XX-XXI вв. принципиальным представляется различие между ангелом и херувимом? Насколько серьезна маркированная неэквивалентной замена переводчиками Херувимчика на Ангелочка?

3) Почему из всего массива произведений Ф.М. Достоевского объектом исследования стали именно «Записки из мертвого дома» и «Записки из подполья» при безусловности отмеченной мной выше их актуальности в контексте европейской рецепции наследия Достоевского?

Высказанные замечания и заданные вопросы не снижают значения обсуждаемого диссертационного исследования и общего положительного впечатления от него. Работа отличается высоким научным уровнем, в ней собран и осмыслен значительный материал, представляющий хорошее основание не только для предложенных выводов, но и для развития в новых исследованиях. Текст диссертации свидетельствует о том, что у автора сформированы необходимые компетенции исследователя и преподавателя высшей школы. Указанные качества представленного к защите исследования обусловлены выбором достойной теоретико- методологической базы и обдуманном отбором эмпирического материала, хорошим освоением научной литературы по истории и теории изучаемых вопросов. последовательным и логически обоснованным подходом к изучению отобранных единиц, богатством и разнообразием полученных при их изучении результатов, которые позволили сформулировать обоснованные выводы.

Диссертационная работа представляет достойные обобщающе-теоретические и практические результаты, является оригинальным, самостоятельным исследованием, на которую положительный отпечаток наложил системный и тщательно проработанный подход автора к сопоставительному анализу изучаемого материала. Структура и характер изложения в диссертационном исследовании выглядят логичными и обоснованными в контексте раскрытия поставленной цели и задач исследования. Цели и задачи исследования, сформулированные автором, вполне достигнуты. Работа написана логично, доказательно, ясным и строгим научным языком. Хорошо проработаны и осмыслены выводы по главам. Они не только повторяют основные результаты, но и обобщают их и выстраивают необходимые соответствия между тремя языками.

В результате исследования получены ценные практические и теоретические результаты. Работа прошла достойную апробацию. Количество публикаций по теме диссертационного исследования соответствует требованиям,

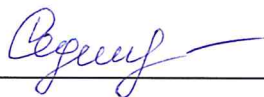
предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Автореферат и публикации с необходимой полнотой отражают содержание представленного исследования.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация Елены Николаевны Чирковой «Эквивалентность и адекватность при переводе аксиологических терминов (на материале прозы Ф.М. Достоевского)» соответствует паспорту научной специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика», отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Елена Николаевна Чиркова заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Официальный оппонент
Ольга Викторовна Седельникова,
доктор филологических наук, доцент,
профессор отделения русского языка
Школы общественных наук
федерального государственного автономного
образовательного учреждения
высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»

634050, г. Томск, пр. Ленина. 30,
тел.: +7 (3822) 60 -63 -33,
e-mail: tpu@tpu.ru

26.03.2026 г.

Ольга Викторовна Седельникова

Подпись удостоверяю:

Членский секретарь ТПУ Новикова В.Д.

